

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Л. Р. ЗИНДЕР

О ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ

Типы звуковых изменений

Вопрос о звуковых изменениях считается обычно, наряду с вопросами об определении слова или предложения, одной из наиболее спорных проблем языковедения. Это вполне справедливо, если иметь в виду причины звуковых изменений и понятие звукового закона, которые действительно по-разному трактуются не только во многих специальных работах (в том числе и в трудах выдающихся языковедов), но и в попутных высказываниях, содержащихся в общих и в частных исследованиях. Если же обратиться к типологии фонетических изменений и к характеристике фонетических процессов, лежащих в основе звуковых изменений, то мы, напротив, должны будем констатировать поразительное единодушие, наблюдающееся в понимании этих процессов языковедами самых различных школ и направлений. В общем можно сказать, что в этом отношении взгляды младограмматиков остаются господствующими и до наших дней.

Даже широкое распространение учения о фонеме, свидетелями которого мы являемся уже на протяжении более чем двадцати пяти лет, почти ничего не изменило в укоренившихся еще в XIX в. представлениях о путях фонетических изменений. Вместе с тем основные положения исторической фонетики находятся в резком противоречии с фонематическим пониманием звуковых явлений. Это обстоятельство делает необходимым рассмотрение господствующих в науке представлений о звуковых изменениях с точки зрения учения о фонеме.

Первое, что вытекает из фонематической интерпретации звуковых изменений, — это необходимость различать, с одной стороны, изменения в составе фонем данного языка в целом и, с другой, изменения в фонемном составе слов¹. Примерами первых могут служить или возникновение мягких согласных в русском языке, или же появление лабиализованных гласных переднего ряда в немецком, что привело к увеличению количества согласных фонем в русском и гласных фонем в немецком языке. К звуковым изменениям этого же типа относится и утрата фонемы [ʃ] в русском языке, приведшая к сокращению числа гласных фонем в нем. В рассматриваемых случаях дело не ограничивается только количественной стороной; изменение числа фонем естественно влечет за собой перестройку и системы фонем, т. е. изменение связей, существующих между фонемами, их перегруппировку и т. д. Такие изменения, следовательно, сказываются на всей фонетической структуре языка.

В качестве примеров изменения фонемного состава слов могут служить

¹ Существует еще и третий тип звуковых изменений, когда состав фонем остается неизменным, а происходит перестройка системы фонем, т. е. изменяются связи между фонемами. Это — случай особый и в данной статье не рассматривается.

замена *e* на *o* в определенных условиях в русском языке или же замена долгих $\bar{i}$, $\bar{u}$ в немецком дифтонгами *ei*, *au*. В этих случаях никаких изменений в составе фонем русского и немецкого языков не произошло. Гласные *e* и *o* как существовали в русском языке, так и продолжают существовать, но только гласный *o* стал употребляться и в таких словах или формах слов, в которых раньше употреблялся гласный *e*. Равным образом, в немецком языке искони существовали и долгие $\bar{i}$, $\bar{u}$, и дифтонги *ei*, *au*, но только последние встречаются сейчас также в тех словах, в которых раньше были долгие $\bar{i}$, $\bar{u}$. Звуковые изменения этого типа не ведут к перестройке фонематической системы данного языка, однако они не безразличны для его фонетической структуры. Так, замена *e* на *o*, имевшая место в русском языке, привела к тому, что фонема [o] стала употребляться в новом фонетическом положении (между мягким и твердым согласным), в результате чего появился и новый оттенок фонемы [o].

В последние годы часто высказывается мнение, будто звуковая сторона является наиболее изменчивой в языке, будто она гораздо менее устойчива по сравнению не только с грамматическим строем, но и со словарным составом. История языков, однако, показывает, что это справедливо только в отношении фонемного состава слов, который действительно бывает очень изменчивым; в современном немецком языке, например, относительно немногие слова сохраняют те коренные гласные, которые они имели в средневерхненемецком. Что же касается развития состава фонем языка, то оно происходит чрезвычайно медленно, нередко гораздо медленнее, чем развитие грамматического строя. На протяжении истории языка появляются новые фонемы, исчезают отдельные старые, но в основном состав фонем сохраняется в течение многих веков. Так, состав фонем немецкого языка сложился в общем уже к XII в.; в последующие же 700—800 лет можно отметить лишь самые незначительные изменения в этом отношении.

Необходимость различать звуковые изменения — как ведущие к изменению состава фонем языка, так и не имеющие таких последствий, неоднократно отмечалась в лингвистической литературе. Это было впервые четко сформулировано в фонологических терминах Р. Якобсоном¹. По существу же аналогичную трактовку вопроса мы находим еще у А. И. Томсона², который, правда, не оперировал понятием фонемы. Он считал, что оба вида звуковых изменений могут возникнуть в результате одного и того же фонетического процесса. Такое понимание вещей остается господствующим и до наших дней (оно не опровергается и в указанной работе Р. Якобсона).

Следует, однако, отметить, что рассматриваемые виды звуковых изменений различаются (и не могут не различаться) не только по результатам, но и по характеру их возникновения и развития. Можно с уверенностью сказать, что замена в определенных случаях одних фонем другими, уже существующими в данном языке, должна происходить иначе, чем возникновение новых фонематических различий или исчезновение старых.

В самом деле, в последнем случае некие нефонематические звуковые явления, которые обычно не замечаются, а если и замечаются, то не осознаются (в том смысле, что говорящий и слушающий не отдают себе отчета в их существовании)³, в силу тех или иных причин приобретают словораз-

¹ См. R. Jakobson, *Prinzipien der historischen Phonologie*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», t. IV, 1931, стр. 247—267.

² См. А. И. Томсон, *Общее языковедение*, Одесса, 1910, стр. 245.

³ Психологическую сторону рассматриваемого явления ни в коем случае не следует упускать из виду. Она объективно существует и не перестанет существовать, несмотря на то, что мы ее упорно игнорируем. Последнее обстоятельство лишь свидетель-

личительное или форморазличительное значение, или, наоборот, утрачивают его, а это ведет к количественному изменению состава фонем. В первом же случае речь идет об употреблении одной фонемы вместо другой — употреблении, которое вследствие самостоятельности фонем отчетливо осознается. Когда в ряде слов, пусть даже в строго определенной фонетической позиции, происходит замена одной фонемы другой, и говорящий и слушающий осознают это. В подобных случаях нередко возникают споры, как надо произносить то или иное слово (например, *брился* или *бриса*, *зупки* или *зупьки* и т. п.).

Как уже говорилось, принято различать постепенные изменения звуков (эволюцию) и замену звуков (субституцию). Понимание субституции, которая происходит в случаях действия субстрата или в сходных с ними, не вызывает сомнений и с фонематической точки зрения. Поэтому здесь нет необходимости останавливаться на ней. Напротив, традиционное понимание эволюции требует внимательного рассмотрения.

Пути развития состава фонем

Прежде всего следует указать, что трактовка фонетического процесса, именуемого эволюцией, базируется на том понимании сущности звуковых различий, которое существовало до появления теории фонемы. По старым представлениям, различие между звуками речи определяется только различием их артикуляционно-акустических свойств. И даже тогда, когда было ясно, что один и тот же звук речи неоднороден в физическом отношении, его тождество видели в сходстве его разновидностей. Так, А. И. Томсон, как известно, отрицательно относившийся к теории фонемы, писал: «... слуховые ощущения и комплексы движений органов речи, обозначаемые буквою *k*, представляют много разновидностей, имеющих между собою известные общие элементы и известные различия... Но в то же время все звуки, обозначаемые посредством буквы *k*, ...имеют в акустическом и особенно в физиологическом отношении значительное сходство и существенно отличаются от разных *m*, *f* и пр. Поэтому все *k* вместе образуют более широкую единицу в звуках и движениях, которая, следовательно, тоже имеет право на название „отдельный звук“»¹.

Исходя из такого понимания звуковых различий, фонетическую эволюцию, естественно, представляли как первоначально незначительное и потому незаметное изменение в произношении того или иного звука, которое с течением времени делается все большим и большим, пока, наконец, не становится очевидным настолько, что воспринимается как новый звук.

Такая характеристика звуковой эволюции, идущая еще со времени возникновения младограмматического направления², можно сказать, считается аксиомой и в современном языкознании. Э. Сепир, например, пишет: «Движение, начавшееся как легкое фонетическое отступление от нормы, как еле заметное нарушение ее, может через тысячелетия привести к глубочайшим структурным изменениям»; и далее, говоря о пере-

ствует о нашей методологической слабости. С точки зрения марксистского языкознания психологические явления представляются производными. Поэтому, если мы установим их закономерную обусловленность теми или иными чисто языковыми отношениями и связями, то мы сможем пользоваться психологическими явлениями как индикаторами этих последних. В учении о фонеме (во всех его сторонах) такой «индикатор», несомненно, может оказать большую и надежную помощь исследователю.

¹ А. И. Томсон, указ. соч., стр. 219—220.

² См., например, Н. В. Крушевский, Очерк науки о языке, Казань, 1883, стр. 38—41.

ходе гласного *o* в *ö* в древних германских языках, он указывает: «В дальнейшем звуковое качество *ö* должно было настолько далеко отойти от качества *o*, что *ö* проникло в сознание как явственно отличный звук»¹. Аналогичное высказывание мы находим и в одной из новейших книг по общей фонетике, где мы читаем: «Со временем, очень постепенно и незаметно, отклонения в произношении, если они продолжают в том же направлении, могут привести к новому звуку»².

В свете теории фонемы приведенное выше понимание звуковой эволюции не выдерживает никакой критики: различие фонем совершенно не связано с большим или меньшим фонетическим различием; фонетический диапазон оттенков одной фонемы может быть очень велик и, напротив, различия между оттенками разных фонем — ничтожно мало. Кроме того, известно, что одно и то же фонетическое различие в одном языке представляет оттенки одной фонемы, а в другом используется как две самостоятельные фонемы³. Следовательно, отличие нового звучания от старого не может само по себе дать новую фонему.

Сущность звуковой эволюции заключается не в изменении артикуляционно-акустических свойств фонем, а в том, что функционально незначимые звуковые различия (различия между оттенками одной фонемы) начинают использоваться как словоразличительные (т. е. различия между фонемами), или, наоборот, функциональное значение какого-либо звукового различия утрачивается.

Концепция постепенного изменения звука речи, приводящего в конце концов к образованию нового звука, может показаться заманчивой: в ней можно увидеть проявление диалектического закона перехода количества в качество. Однако никто такого явления, разумеется, наблюдать не мог, оно реконструируется умозрительным путем. Напротив, в языках постоянно наблюдается одновременное сосуществование разных звуков, выражающих одну фонему. Каждый такой звук, иными словами — каждый такой оттенок фонемы и является в потенции новой самостоятельной фонемой. Таким образом, в языке постоянно существуют фонетические предпосылки звуковых изменений, заключающиеся в неоднородности звукового выражения фонемы⁴.

Поскольку звуковая эволюция состоит не в образовании нового звука, а в возникновении нового фонематического различия или в исчезновении его, постольку и количественные изменения, ведущие к качественному скачку, нужно искать не в изменениях фонетических свойств звука, а в чем-то ином. Качественный скачок, заключающийся в том, что нефонематическое различие начинает использоваться как фонематическое, наступает после длительного процесса чисто количественного характера. Процесс этот состоит в том, что тот или иной оттенок фонемы начинает употребляться все чаще и чаще. Это обусловлено прежде всего постоянным ростом словарного состава языка, а также и изменениями в его грамматическом строе. Указанные обстоятельства ведут и к тому, что данная фонема начинает употребляться в новых фонетических условиях, благодаря чему меняются ее артикуляционно-акустические свойства — появляются новые оттенки.

¹ Э. Сепир, Язык, М.—Л., 1934, стр. 137—138.

² E. Dieth, *Vademecum der Phonetik*, Bern, 1950, стр. 281—282.

³ См. Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич, К истории учения о фонеме, ИАН ОЛЯ, 1953, вып. 1, стр. 62—75.

⁴ Сказанное не исключает возможности артикуляционно-акустических изменений в фонетической структуре. Наряду с изменениями в составе фонем происходит изменения и в составе оттенков фонемы. Появление новых оттенков или исчезновение ранее существовавших и определяет изменения чисто произносительно-слухового характера.

Вопрос о том, каким образом отмеченные выше количественные изменения переходят в качественные, т. е. как происходит превращение оттенков одной фонемы в самостоятельные фонемы, решается на основании исследования каждого конкретного случая и именно для данного случая. Чтобы иметь возможность лучше наблюдать «механизм» такого превращения, полезно обратиться прежде всего к таким фактам, которые имеют место в современных языках. В этом отношении представляет интерес рассмотрение русских палатализованного [к'] и непалатализованного [к]. Спор о том, считать ли эти два к отдельными фонемами, как раз и подтверждает, что мы имеем здесь дело с живым процессом.

Для правильного истолкования фонематической сущности отношения [к — к'] необходимо обратиться к анализу некоторых фактов, связанных с корреляцией палатализованные — непалатализованные в русском языке.

Как наследие того времени, когда непалатализованный и соответствующий ему палатализованный согласный были оттенками одной фонемы, в русском языке продолжало сохраняться чередование палатализованных и непалатализованных согласных корня в зависимости от того, стоял ли в окончании гласный переднего или заднего ряда. Это происходило со всеми согласными, кроме заднеязычных, которые перед гласным переднего ряда чередовались с аффрикатами [к || с || џ] или со щелевыми [g || z || ž]; например, *несу* — *неси* — *несешь*¹; *иду* — *иди* — *идешь* и т. п. (но *пеку* — *пѣци* — *печешь*). В результате дальнейших изменений гласный *e* в окончании при наличии ударения на нем оказался замененным гласным *o*. Таким образом, возникло фонетически не обусловленное чередование согласных в настоящем времени многих глаголов (например: [n'ésu — n'es'oš; idu — id'oš; b'eru — b'er'oš; plyvu — plyv'oš] и т. п.), широко распространенное в современном русском языке. Наряду с этим продолжало и продолжает существовать имеющее фонетическое основание чередование типа *несу* — *неси*, которое распространилось и на заднеязычные согласные (ср. *пеку* — *пеки*). В результате фонема [к] в определенный момент истории русского языка приобрела новый, не существовавший ранее палатализованный оттенок.

Едва ли можно сомневаться в том, что в современном русском языке чередования [d || d', s || s', r || r'] в случаях *иду* — *иди*, *несу* — *неси*, *беру* — *бери* отождествляются с такими же чередованиями в случаях *иду* — *идешь*, *несу* — *несешь*. И там, и здесь мы, очевидно, имеем дело с чередованием фонем, выполняющим наряду с флексией определенную морфологическую функцию². То же можно сказать и об относительно старых противоположениях палатализованных и непалатализованных согласных ([v' — v, s' — s, t' — t] и т. п.). Совершенно естественно, что аналогичное фонетическое различие [к' — к], не имевшее до недавнего времени фонематического значения, получив достаточное распространение в тех же морфологических категориях, что и старые пары палатализованных и непалатализованных (ср. *беру* — *бери* и *пеку* — *пеки*; *вода* — *воде* и *рука* — *руке* и т. п.), легко могло фонематизоваться, т. е. дать две фонемы: [к'] и [к]. Свидетельством этого является факт употребления [к'] перед гласными заднего ряда (ср. *ткѣшь*, *ткѣт*, а также *Кюри*, *Кяхта* и т. п.), где мягкость [к'] обусловлена не иноязычным влиянием, а закономерным воспроизведением соответствующих русских написаний.

В рассмотренном примере роль «повивальной бабки» при рождении

¹ Букву *e* в *ешь* нужно читать в приводимых здесь примерах, как [e].

² Глагол, разумеется, не единственная сфера распространения таких чередований; аналогичное чередование мы имеем, например, и в склонении имен существительных: *вода* — *воде*, *коса* — *косе* и т. п.

новой фонемы играла система фонем русского языка, наличие в ней коррелятивного ряда палатализованных и непалатализованных согласных. Часто такую роль играет развитие грамматического строя или изменение фонематического состава ряда слов.

Примером последнего пути может служить история немецкого *ich-Laut*'а, фонематическая самостоятельность которого тоже часто оспаривается, как и самостоятельность русского [к']. Не подлежит никакому сомнению, что *ich-Laut* и *ach-Laut* являлись двумя оттенками одной фонемы; первый встречался только после гласных переднего ряда, второй — после гласных заднего ряда.

В XVI—XVII вв. некоторые слова (например, *solich*, *manich*), а также и суффикс уменьшительных *-ichen* утратили гласный *i*, предшествовавший палатальному оттенку *ch* и обусловливавший его. Несмотря на изменение фонетических условий, согласный *ch* в этих случаях сохранил палатальный характер. Став фонетически независимым, он приобрел фонематическую самостоятельность, обнаруживающуюся в том, что он употребляется в начале ряда новых заимствованных слов, а также и в суффиксе *-chen* независимо от того, предшествует ли ему гласный переднего или заднего ряда¹.

При возникновении в немецком языке лабиализованных гласных фонем переднего ряда действовали морфолого-фонетические факторы. История этих гласных такова: под влиянием окончаний, содержащих *i*, гласные фонемы [o], [u], [a], [o], [ü] произносились еще в древневерхнемецком, как [ö], [ü], [ä], [o], [ü] (это явление известно под названием умлаута). Однако до тех пор, пока сохранилось вызывавшее умлаут *i*, каждая пара гласных *o* и *ö*, *u* и *ü* и т. д. составляла оттенки одной фонемы; они соответственно и обозначались на письме одними и теми же буквами (ср. *scôno* — *scôni*, *wârum* — *wâri* и т. д.). К средневерхнемецкому периоду произошла редукция флексий, в результате которой *i*, равно как и все другие гласные, нейтрализовалась в гласном *e*. Таким образом, фонетическая причина, обусловливавшая передние оттенки соответствующих фонем, больше не существовала. Оказавшие вследствие этого фонетически не зависимыми, указанные оттенки фонематически обособились и получили специальное обозначение на письме (др.-в.-нем. *scôno* > ср.-в.-нем. *schône*; др.-в.-нем. *scôni* > ср.-в.-нем. *schæne*; др.-в.-нем. *wârum* > ср.-в.-нем. *wâren*; др.-в.-нем. *wâri* > ср.-в.-нем. *wære*)².

После сказанного остается решить вопрос, в какой момент эволюции оттенки «расщепляющейся» фонемы начинают участвовать в словоразличении. Надо думать, что это происходит еще до того, как эти оттенки начинают употребляться в одинаковых фонетических условиях. Не потому [к'] палатализованное стало фонемой, что появилось слово [tk'ot], а наоборот, слово [tk'ot] оказалось возможным потому, что [k] стало фонематически противопоставляться [к']. Возникновение связи оттенков со смыслом происходит, следовательно, еще в недрах фонемы, выражением которой данные оттенки являются. Этим и подготавливается разделение оттенков, составляющих одну фонему, на две отдельные фонемы.

Все это находит свое истолкование в теории «общего облика» слова С. И. Бернштейна³. Согласно данной теории, слово узнается по его зву-

¹ Подробнее об этом см. Л. Р. Зиндер, *Ich-Laut*, «Уч. зап. 1-го Ленингр. гос. пед. ин-та иностр. языков», т. I, 1940, стр. 66.

² Ср. Н. Рензл, *Umlaut and secondary umlaut in Old High German*, «Language», vol. 19, № 3, 1949, стр. 223—252.

³ См. С. И. Бернштейн, *Вопросы обучения произношению...*, М., 1937, стр. 25.

ковому облику в целом; следовательно, каждый элемент слова имеет существенное значение. Это и вполне понятно, так как каждый звук, входящий в состав слова, является в нем представителем соответствующей фонемы. А если так, то ясно, что основная словоразличительная нагрузка может перемещаться с одного элемента на другой. С точки зрения указанной теории для опознавания, например, формы *пеки* наряду с окончанием *и* палатализованность *к* играла существенную роль и тогда, когда оно не противопоставлялось непалатализованному. При соответствующих обстоятельствах, о которых речь шла выше, могло случиться так, что палатализованный согласный сам по себе стал связываться со смыслом, т. е. фонематически обособился от непалатализованного.

Примером того, как может подготавливаться утрата фонематического различия, могут служить гласные [ы — i] в русском языке. Что эти гласные первоначально представляли две фонемы, никем не подвергается сомнению (слав. *ы* и *i*, как известно, имеют различное происхождение). Вопрос же о том, представляют ли они отдельные фонемы и в современном русском языке или же являются комбинаторными оттенками одной фонемы, продолжает оставаться спорным, но это лишь увеличивает интерес к исследованию указанной проблемы.

Как известно, до возникновения соответствующего фонематического противоположения пары палатализованных и непалатализованных мягких согласных представляли в русском языке комбинаторные оттенки одной фонемы. Первые встречались только перед гласными переднего ряда, в том числе и перед [i], вторые — только перед гласными заднего ряда, в том числе и перед [ы]. Таким образом, гласный [i] встречался после палатализованных согласных, а также и в начале слов. Гласный же [ы], не встречавшийся в начале слов, мог стоять только после непалатализованных согласных.

Когда палатализованные и непалатализованные согласные стали самостоятельными фонемами (это произошло в результате падения редуцированных), гласные [ы] и [i], оказавшиеся во взаимоисключающих фонетических положениях, должны были утратить возможность использоваться в словоразличительной функции. В самом деле, поскольку в сочетаниях типа [ты — t'i] такую функцию переняли согласные, постольку [ы] и [i] должны были превратиться в комбинаторные оттенки одной фонемы, обусловленные характером предшествующего согласного.

И. А. Бодуэн де Куртенэ, а за ним и многие другие считали и считают, что [ы] и [i] уже слились в одну фонему. Согласно же мнению Л. В. Щербы, этот процесс не является завершенным до настоящего времени. Он писал: «Что касается *ы*, то это в значительной мере менее самостоятельная фонема, находящаяся в интимных отношениях с *i*, которого она является как бы оттенком. Происходит это потому, что *ы* никогда не употребляется в виде отдельного слова, никогда не стоит в начале слова и возможно лишь после „твердых“ согласных... Но ввиду того, что случаи, где со смысловой точки зрения *ы* и *i* являются тождественными, крайне немногочисленны — так как нет случаев чередования *ы* и *i* в корнях, в противоположность разным оттенкам *e* (*белый* — *бель*), — то *ы* является все-таки самостоятельной фонемой, хотя, может, и не в той же мере, как *a*, *e*, *i*, *o*, *и*»¹.

Независимо от того, прав ли Бодуэн де Куртенэ или Щерба, рассматриваемый случай прекрасно показывает, какие факторы действуют при устранении фонематического различия².

¹ Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 50.

² Кстати можно указать на некоторые факты, подтверждающие точку зрения Л. В. Щербы. Во-первых, [ы] и [i] самостоятельно используются в качестве названий

Итак, заключая анализ примеров развития состава фонем языка, можно сказать, что они убедительно опровергают представление о том, будто в основе звуковой эволюции лежит постепенное изменение артикуляционно-акустических свойств фонем.

Пути развития фонемного состава слов

Как указывалось выше, традиционная историческая фонетика не видит разницы между тем, как происходит изменение состава фонем языка, и тем, как изменяется фонемный состав слов. Последнее, по привычным представлениям, происходит также благодаря постепенному изменению характера звуков.

Так, по поводу «перехода» [e] в [o] в русском языке А. А. Шахматов писал: «В общерусском языке перед *e*, как и перед другими гласными переднего ряда, смягчались все вообще согласные. Это *e* перешло в *ö* в положении перед следующими твердыми согласными... В великорусском наречии *ö* с течением времени изменилось в *o*...»¹. Такая реконструкция, постулирование промежуточного гласного *ö*, не засвидетельствованного ни в каких памятниках, понадобилась Шахматову, очевидно, для того, чтобы фонетически «объяснить» путь развития [e] в [o]. Однако никак нельзя понять, в силу какого фонетического механизма должна была произойти лабиализация [e], т. е. переход его в [o] между палатализованным и непалатализованным согласным.

Стремясь найти такой механизм, А. И. Томсон должен был прибегнуть к весьма сложному построению. Он писал: «Так, при переходе *e* в *o* (*берёзу*) первопричиной индивидуального изменения могло быть перенесение лабиализации от последующего твердого лабиализованного согласного (органическое индивидуальное изменение). Несколько лабиализовавшихся *e* имеет более низкий собственный шум резонатора — характерный шум гласного. Перенимающие дети могли производить почти тот же звук с незаметным различием в тембре посредством более заднего подъема языка и без лабиализации (изменение при переветии). При дальнейшем стремлении лабиализовать собственный звук этого нового гласного также понизился бы и мог у перенимающих снова вызвать еще более заднее положение языка, пока, наконец, в течение нескольких поколений, подъем языка оказался у мягкого нёба и при нем опять лабиализация, так что этот звук совпал с *o*»².

Неправдоподобность этой реконструкции совершенно очевидна. Дело не только в том, что она строится на сомнительных общих принципах, но и в том, что в качестве исходных случаев берутся относительно редко встречавшиеся формы слов, в которых *e* оказывалось перед лабиализованными согласными. В действительности же при «переходе» *e* и *o* не наблюдалось никакого звукового изменения; была лишь замена в некоторых случаях (в определенном фонетическом положении) одной фонемы другой, существовавшей уже в языке. Естественно поэтому, что поиски фонетического механизма такого «перехода» бесплодны.

Следует указать далее, что рассматриваемый «переход» продолжается

соответствующих букв. Во-вторых, любопытно отметить, что в последнее время гласный [ы] стал появляться и в начале слов. Это имеет место в корейских географических наименованиях и в собственных именах (например, *Ымсон*, *Ыденпу*). Могут возражать, что это заимствованные слова, но симптоматично то, что гласный [ы] в них не заменяется гласным [i].

¹ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., М., 1941, стр. 114.

² А. И. Томсон, указ. соч., стр. 258—259.

и в наши дни¹ и что современные факты весьма поучительны. Они свидетельствуют о том, что мы имеем в общерусском произношении (не говоря уже о диалектах) целый ряд параллельных форм; ср. *современный* и *современный*, *безнадежный* и *безнадёжный*, *одноименный* и *одноимённый*² и др. Любопытно отметить, что в некоторых случаях разное произношение закрепляется как признак лексической дифференциации; ср. *небо* и *нёбо*, *совершенный* (прилагательное) и *совершённый* (причастие) и др. Со временем все большее количество слов произносится с *о* вместо *е*, но только в определенном фонетическом положении, а именно — под ударением перед непалатализованным согласным; обратное же явление — замена *о* на *е* — никогда не имеет места. Никто, разумеется, не заподозрит сейчас, что это происходит благодаря действию какого-либо физиологического фактора; совершенно очевидно, что тут действует попросту фонетическая аналогия³.

Не следует ли допустить, что нечто подобное происходило и в древнерусском? Во всяком случае, нельзя не обратить внимания на те связи, которые существовали в древнерусском языке между гласными *е* и *о*. А такие связи действительно имели место и выразились в унаследованном от индоевропейского и сохранившемся до нашего времени чередовании по аблауту; ср., например: *беру* — *набор*, *плету* — *плот*, *бреду* — *брод* и т. п. Может быть, это чередование неударенного *е* с ударенным *о* и было перенесено на все аналогичные по фонетическому положению случаи.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что изменения в фонемном составе слов протекают аналогично изменениям в других областях языка (в морфологии и в синтаксисе). Замена в ряде слов одной фонемы другой фонемой принципиально не отличается от замены одной морфемы другой морфемой, равнозначной с первой (ср., например, распространение в русском языке окончания именительного падежа множественного числа существительных мужского рода *а* за счет окончания *ы*). Совершенно естественно, что, пытаясь установить в подобных случаях фонетические закономерности, исследователи вынуждены признавать возможность исключений. Это и является причиной бесконечных, оставшихся до сих пор бесплодными споров о том, существуют ли так называемые «звуковые законы».

Изменения в фонемном составе слов не являются, строго говоря, фонетическими процессами в отличие от изменений в составе фонем языка. Поэтому только к последним и возможно применять понятие звукового закона.

¹ Является ли он непосредственным продолжением древнего процесса, в данном случае не имеет значения.

² См. С. П. Обнорский, «Переход *е* в *о* в современном русском языке», в кн. «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов», М.—Л., 1947, стр. 295.

³ Акад. С. П. Обнорский выражает сомнение в применимости принципа аналогии к явлениям фонетического порядка (см. С. П. Обнорский, указ. соч., стр. 296). С этим нужно согласиться, если речь идет о неосознаваемых процессах, касающихся оттенков фонем, не имеющих функционального значения. Однако когда имеются в виду осознаваемые отношения между фонемами (а С. П. Обнорский говорит именно о таких случаях), это положение нельзя признать правильным.